

Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

«Партнеры терпели мои пощечины»

Она по-прежнему хороша и на сцене, и в жизни. А в кино... Здесь главная роль пока не сыграна

В темноте ложи Центрального концертного зала Волгограда за нашими спинами женщина с камерой тайно снимала неподражаемую Алису Фрейндлих и ее партнеров по сцене - питерский «Кавалер-дуэт». После спектакля «Голоса», когда отзвучали стихи Цветаевой и догорели свечи, мы не преминули поинтересоваться у Алисы Бруновны:

— Существует «официальная телеверсия» этого спектакля?

— Люди «сориентировались» сами. Иногда мы разрешали съемку из зала. Но чаще нас снимали «контрабандно». Причем фрагменты потом неожиданно всплывали на телевидении. Часто - без нашего на то одобрения.

— Вы читаете Цветаеву, Ахматову, Мандельштама, исполняете неожиданные аранжировки самых известных русских романсов - и все выглядит на удивление цельно. Кто родители идеи?

— В 1982-м к 90-летию Цветаевой мы почти подпольно сделали вечер ее памяти. Его нам, конечно, запретили. И я вступила на такой «нелегальный» путь - авторские творческие вечера цензуре не подвергались. Никто не контролировал, даже не интересовался, что я там делаю. А я все это время читала Цветаеву. А когда мальчики из «Кавалер-дуэта» пришли к нам в БДТ, обнаружилось, что они хорошо поют. На театральном вечере их услышал американский импресарио, предлагавший мне «поэтический тур» по США. Я честно призналась, что на полный концерт материала у меня недостаточно. Тогда он предложил нам соединиться, и возникла композиция «Голоса».

— Ваш профессор в Ленинградском театральном институте Б. В. Зон, даря вам в 1957-м свой фотопортрет, написал: «Милая Алиса! Не смейте оставить втуне ни одну из ваших склонностей: играть, читать, петь, танцевать. Только в таком случае всюду поспеваете и будете счастливы...». За 40 минувших лет вы не уклонились от совета и действительно

но смогли «всюду успеть» и стать счастливой?

— Завет профессора я выполнила - все состоялось. Пела и танцевала в спектаклях я много, а в последние годы, когда театр уже не в такой мере держит меня за вожжи, я получила относительно свободу и смогла сделать поэтические программы.

— Но если говорить о пении, то однажды вы сами обмолвились, что «дилетантизм - вещь опасная»?

— А я и не берусь делать то, что мне не свойственно и лежит за пределами профессии. Никогда не пела вне спектакля или фильма, и эта наша программа - тоже не «отдельное пение Фрейндлих». Если бы на афишах я обозначила свой «певческий концерт» - это и был бы дилетантизм.

— Алиса Бруновна, однажды на репетициях спектакля «Человек со стороны» вы настояли, чтобы партнер отвесил вам настоящую пощечину. И он, и режиссер были против, но вы их «дожали». Ради правды жизни согласны переступить через физическую боль?

— В общем, да, но до известных пределов. Я не люблю полумеры. Потому и настояла. Ну что такого, подумаешь, получить пощечину. Я сама на сцене пощечину никогда в шутку не давала. Если надо было, то всерьез. Мои партнеры терпели, а что делать? А в жизни? Нет, не приходилось.

— Алиса Бруновна, а правда ли, что вы первая в стране некогда в «Трехгрошовой опере» исполнили эротический гимн «Баллада о власти плоти» и таким образом стали основательницей данного направления в песенном жанре?

— Эротический гимн? У меня там было много зонгов. Мне даже решили отдать песню Соломона. У «Баллады», о которой вы говорите, и правда текст был довольно смелый. Но прозвучал он на немецком. По-русски никто петь его не рискнул. Хотя и имелся неплохой перевод. Наверное, тогда он показался слишком вульгарным.

— Для вас психологически сложнее «одноразовое исполне-

Розы для Алисы.

ние-выплеск» в спектакле или многократная озвучка кино- или телефильмов в студии?

— Раньше не задумывалась об этом. В спектакле все зонги выходили из эмоциональной структуры сцен. Отдельно, пожалуй, петь труднее. В фильмах сначала пишется фонограмма, потом под нее идет съемка. Вживую некачественно получается. А угнаться за фонограммой непросто - когда-то я насадила связки. И потом, мне кажется, происходит это с эмоциональными потерями.

— В Театре Ленсовета у вас было 22 роли за 22 года. Перейдя к Товстоногову, также много играли. А сейчас?

— Товстоноговский актерский актив стареет. Надо выждать время для полнокровной смены поколения. А я занята всего в четырех спектаклях. Несколько постановок исчезли с уходом из жизни Владислава Стрельчикова. С 1985-го играли с ним в «Этом пылком влюбленном», имевшем шумный успех. После рязановского «Жестокое романса» мы

со Стрельчиком сделали «Старомодную комедию» - легкий, мобильный спектакль-концерт, когда на сцене стояли сразу все декорации - девять картин. Владислав играл в них замечательно. Но с его смертью умерли и спектакли. Я себе в них других партнеров не представляю.

— Кого из режиссеров в театре и кинематографе вы сегодня могли бы назвать своими «кредитными отцами»?

— В театре, конечно, это Игорь Владимиров. С ним работала 22 года в Ленсовете. Это лучшее время моей творческой жизни. Замечательная была пора - мы очень понимали друг друга. Создалось такое стечение плодотворных вещей, когда и возраст еще позволяет играть много, и интересные роли, и при этом уже есть какой-то опыт. Было замечательное состояние «полноты кувшина». А в кино... Все-таки Рязанов. Я и до него снималась у хороших режиссеров. Но именно с ним ко мне пришло относительное признание в кино. Я не спринтер, я - стайер. Мне нужна дистанция, чтобы что-то сотворить, вылепить целое.

— Ваш партнер по «Служебному роману» Андрей Мягков как-то сказал: «На Алисочку невозможно сердиться». Вы действительно настолько неконфликтны в кадре и на сцене?

— Ну о себе судить трудно. Например, дочка моя говорит: «Мама, когда у тебя впереди премьера или что-то ответственное, то ты, как утюг горячий». Ей, видимо, не всегда нравится, как я себя веду в это время. Есть какие-то опасные моменты, когда нервная концентрация чрезмерна и она влечет за собой такие всплески.

— Тодоровский-младший, работавший с вами в «Подмосковных вечерах», безотносительно к этому фильму и вам как-то сказал, что, если женщина недоступна, она ему неинтересна. А какими качествами должен обладать мужчина, чтобы заинтересовать вас?

— Валера так сказал? Не верю,

что заявил он это всерьез. Думаю, что он шалил... Если встречаю мужчину впервые и не знаю его ни с какой стороны, на меня может произвестись впечатление его... экстерьер и, конечно, осмысленный взгляд.

— Ваша дочь Варвара в детстве так любила вашу театральную примерку, что фотографам не составляло никакого труда заставить вас там вдвоем и заснять семейную идиллию... У вас не возникало искушения «ввести» дочь в какую-либо постановку, пользуясь своим авторитетом?

— Да, когда Варька была маленькой, очень любила смотреть «Малыш и Карлсон», просто не вылезала из зала. Удивительно, но туда и взрослая публика ходила с удовольствием. Вводить ее в спектакль необходимости никакой не было. Тем более в детстве она хотела быть врачом. Потом, правда, закончила театральный институт. Полетела туда на крылышках и сначала занималась с удовольствием. Но позже, когда за спиной зашеlestело «похожа на маму, не похожа», «отдыхает природа - не отдыхает», Варька сказала: «Не буду!». И, представьте, теперь она артисткой быть не хочет, наражала детей и воспитывает. У меня двое внуков - мальчик и девочка.

— Ну дочери простительно... Но Алиса Бруновна, где же сегодня новые яркие кинороли блестящей актрисы Фрейндлих-старшей?

— После «Подмосковных вечеров» и «Охоты» кинематограф не предлагает ничего. Во всяком случае ничего хорошего. А в белоберде участвовать не хочется.

— В середине семидесятых на самый простой и одновременно сложный вопрос «Счастливы ли вы?» прозвучал ваш ответ: «И да, и нет...». Как ответили бы вы сейчас, в середине девяностых?

— Сегодня... (помедлив) - скорее да, чем нет...

Беседовали
Светлана ХРУСТАЛЕВА,
Игорь ЕМЕЛЬЯНОВ.
Волгоград.